

Ведьмин Род

Людмила Бешенцева

Людмила Бешенцева

Ведьмин Род

«Автор»

2026

Бешенцева Л. С.

Ведьмин Род / Л. С. Бешенцева — «Автор», 2026

В заснеженном лесу, где метели поют на древнем языке, а духи прячутся в каждой ветке, живёт Ядвига — травница с медными косами и зелёными глазами. Она привыкла к одиночеству, деревенским сплетням и тихому уюту своей избы. Но однажды выюжная ночь приносит к её порогу странного гостя, который оказывается лесным царем, проклятым оборотнем, помнящим её с детства. Вместе им предстоит остановить колдуна, питающегося страхом и горем, спасти лесных хранителей — волка, лиса, змею, ворона и лося — и разрушить древнее проклятие, нависшее над родом Володара. Цена победы — не только магия, но и любовь, готовая переписать саму судьбу. Это история о ведьмах, которые не жгут на кострах, а лечат травами и сердцем. О зле, которое можно перевоспитать. О времени, которое можно повернуть вспять. И о том, что дом — там, где тебя ждут.

© Бешенцева Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	16
5	18
6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Людмила Бешенцева

Ведьмин Род

1

Тихое потрескивание костра привычно успокаивало с виду молодую женщину. Она вслушивалась в него, тарабанив пальцами по столу, сколоченному из старого дуба. Изделие было слегка кривоватым, сделанным своими руками, и чудилось в этом особое очарование.

За окном бушевала метель уже третьи сутки. Казалось, матушка-зима не собиралась унимать свою предпраздничную ярость.

«Скоро дрова закончатся... и придётся идти в лес собирать хворост», — думала хозяйка дома, заплетая в косы свои длинные медные волосы, доставшиеся ей от покойной матушки. Взгляд её скользнул к мутному зеркальцу, в котором отражались зелёные, как свежая скошенная трава, глаза.

— Надо хоть свечи зажечь... — шепнула она, беря свежую лучину, зажигая её от огня в печке, поднося к фитилям и давая им разгореться, после чего закрепила берёзовую щепу над тазом с водой, на дне которого виднелись старые угольки. — Так-то лучше... Да, Филька?

Женщина, сияя глазами, обратилась к любимому рыжему коту, что сам подставлялся под руку, мурлыча громко, будто пытаясь ответить хозяйке.

— Как же жаль, что кошки говорить по-нашему, по-людски, не умеют... — заключила снова вслух Ядвига, садясь к занесённому со стороны улицы снегом окну, любуясь в свете свечей узорами инея на стекле, и тут же взялась за незаконченное вязание. Ладно двигались руки девицы, быстро довязывалась шапочка, в единый миг ложась в самодельную корзину, наполненную такими же шапками, шарфами да варежками ребячьими. Спицы новые петельки набирали, женщина начала напевать любимую песню себе под нос едва слышно. Чувствуя внутри прилив будущей радости, представляя, как будет дарить деткам подарочки, тем, что жили в селе у леса. Там, где она по привычке закупаться мясом да другими необходимыми припасами для простой травницы в лесу. Взрослые часто её побаивались, да слухи пускали недобрые из-за одинокой жизни, а дети всегда любили и часто забегали в гости летом, когда по грибы да по ягоды пускались в путь. Каждого она привечала, угощала, ну и присматривала, чтоб не заблудились.

Тихо трещали дрова в печи, капал воск с зажжённых свечей, а в комнате смешивались запахи свежей хвои, стоящей в углу наряженной всем, что есть с чердака: «шишками, свирестелками вручную вырезанными, колокольчиками на яркой пряже, игрушками глиняными да ватными — красота неземная, сказочная!» — горящих дров и трав, которые были развешаны по стенам не хуже гирлянд и мишуры. Всё в этом вечере было наполнено привычным уютом и теплом, пока от окна не послышался скромный стук.

Ядвига напряглась, резко встала, спрятала вязание и застыла на месте, не зная, как поступить. С одной стороны, не гоже одинокой женщине кого попало пускать в дом почти посреди ночи, ну а с другой — сердце сжалось от звука бушующей вьюги. Вдруг не пустит — и помрёт человек по её вине, потом всю жизнь груз этот на совести носить.

Тяжело вздохнув, расправив плечи и взяв кочергу, отворила она засов, молвив уверенно, без толики страха и сомнения:

— Коль путник заблудший, попавший в беду — входи. Ежели обидчик нерадивый — в лес тебе обратно дорога...

— Прости меня, девица, что твой покой нарушил, да напугал... Заблудился я, когда от внуков шёл... — отвечает на это старичок, с виду немощный, трясущийся от ветра.

Увидев гостя своего незваного, Ядвига сразу помогла ему зайти, усадила на лавку у печи, налила чайку горячего из чайника, что на шесте стоял неостывшим.

— Входи, входи, дедушка, отдохни. Авось завтра метель поутихнет, и домой дорога ляжет, — причитала женщина, доставая булочки пышные, испечённые с утра от скуки.

Старец на это улыбнулся, откидывая капюшон, смотря на свою спасительницу на удивление молодыми, озорными глазами, что так и горели жизнью.

— Спасибо тебе, красавица, спасла от смерти страшной, замело бы меня в зимнем лесу... Скажи мне, милая, что ж ты одна в лесу живёшь? Не страшно тебе? — говорил мужчина, попивая чай и осматривая уютную лачугу.

— Так, дедушка, отец мой здесь жил, матушка, да и дед с бабкой. Куда я пойду с родного дома... Хотя их в живых уж нет, короток им век отмерен был, мне тут спокойнее, хранятся тут воспоминания хорошие, душу согревающие... — отвечала женщина, греющая старцу супец, не оглядываясь назад, лишь слыша шипение злобное любимого кота...

Оборачиваясь от страшного звука, замирая в поражении. Видя, как на глазах старец превращается в молодого мужчину.

— Как это... Ты кто такой будешь? — еле вымолвила Ядвига, отступая назад, случайно обжигаясь об шесток, шипя от боли.

— Ты прости меня, красавица, что обманул тебя, — отвечал добрый молодец, подходя медленно, чтобы не напугать, продолжая говорить вкрадчиво, да нежно. — Давно я с тобой познакомиться хотел. Мы в одном лесу живём, одними тропинками ходим. Много лет мне хотелось заговорить, да смелости не хватало. В этот раз вьюга меня сама в твой дом привела. Не пугайся, Ядвига, меня Володаром нарекли родители. Будь добра, стань мне другом и соседником на вечер этот снежный. Не причину я тебе вреда, клянусь родом своим... Лесным!

Женщина, слыша сей наговор, немного успокоилась, села напротив и уже сама не знала, чего напугалась так. Ну, обернулся старец молодцом статным, да пригожим, но ведь и не такое бывает ныне. На озере неподалёку мужики пропадают лето каждое — их там русалки и утопленницы в глубины вод манят. Да и она не раз лесного духа о помощи просила, и он помогал, отвечал по-своему: «То на тропинку с грибами да ягодами наведёт, либо на поле травами лечебными полное до краёв». Притом ни разу на неё ни один дикий зверь не нападал, как бы глубоко в лес ни заходила.

— Скажи мне, друг, коль им хочешь быть, не ты ль меня в лесах берёг, да отгонял зверьё дикое? — спросила Ядвига, дивясь тому, как хорош собой гость незванный. Кудри на голове чернее крыла вороньего, глаза золотые да тёплые, как солнышко весеннее, губы сочные, будто брусника с болота, что на другом конце леса расползается до гор вдали.

Володар видел любопытство в глазах хозяйки дома, чувствовал жар на щеках, но быстро себя одёргивал. Помня, что нельзя ему пылких чувств к Ядвиге пытаться, негоже оборотню, проклятому, на человеческое дитя зариться.

— Может, я, а может, и нет... — отвечал расплывчато гость полуночный, на что Ядвига вздохнула разочарованно, не задавая больше вопросов. Ставя перед мужчиной плошку деревянную с супом, давая ложку расписную, бросила обыденно, хоть и пылая щеками алыми:

— На пустой желудок не ведут бесед задушевных. Пока буря не утихнет, ты мой гость, так что приму тебя как друга давнего, сердцу дорогого.

Договорив, девица снова взялась за вязание, не смея оборачиваться и пытаясь ни о чём не думать...

За окном свирепствовала снежная буря, в доме же пахло расплавленным воском, супом, сваренным на курочке из посёлка неподалёку, мокрым тулупом и всего на толику — полыньё, травами свежими и мёдом сладким.

Самое же главное — больше в этом доме не пахло одиночеством...

2

Небо с утра было загромождено чёрными тучами — ведь ночью бушевал буран не меньше. Сейчас кое-где сквозь решето проглядывали лучи холодного солнца, которые совсем не грели. Сердце мужчины ныло, его разрывало от тоски и печали, перед глазами же проносились воспоминания о былом.

У этого самого старого дуба его тогда и нашла Ядвига — растрёпанная, яркая, как весеннее солнце. Её руки были тёплыми и неопасными, к ним хотелось ластиться.

Но сначала — о том, что было до.

Отец Володара, царь лесной, был суров не потому, что хотел зла. Просто знал: в их роду нежность — роскошь непозволительная. Чем больше любишь, тем больше платишь. Проклятие королевы духов, убитой прапрадедом в глупой и страшной спеси, висело на каждом мужчине их рода как камень на шее.

— Держи спину, сын, — рычал отец, когда Володар, ещё мальчишкой, учился оборачиваться. — Человеком быть труднее, чем зверем. Зверь живёт чутьём да инстинктами, а человек — разумом и логикой. Разум же — он боль приносит.

Учения были каждый день, с утра до вечера. Отец гонял его по лесу, заставлял запоминать каждую тропу, каждый запах, каждый шорох. Учил владеть телом — и звериным, и человеческим. Учил скрывать чувства, потому что «чувства — это слабость, а слабых в лесу съедают. Ведь выживает сильнейший».

Володар терпел, но ненавидел. Вздрагивал от отцовского голоса, что резал уши как ножом по берёсте. Ненавидел строгие взгляды матери, которая боялась подойти и обнять — вдруг проклятие проснётся, вдруг любовь материнская сделает сыну только больше. Ненавидел лес, который был его домом и тюрьмой одновременно.

Однажды, когда отец особенно наседал, Володар не выдержал. Сбежал. Прямо посреди занятия обернулся медвежонком — косолапым, неуклюжим, но свободным — и рванул в чащу, не разбирая дороги. Четыре лапы несут быстрее, чем две. Ноздри ловят каждый запах: вот здесь пробежала лиса, здесь мышшь юркнула, а там — река, прохладная, зовущая. Он бежал, пока не выдохся, и упал в папоротник, тяжело дыша, слушая, как сердце колотится где-то в горле.

Он лежал в зарослях, отдышался и уже собрался идти обратно — совесть всё же грызла, хоть и молочными зубами — как вдруг учуял запах железа и человеческого пота. Капканы. Зайцев здесь ловили, а может, и на более крупного зверя рассчитывали. Володар знал, что надо обходить такие места стороной, учили ведь.

Но любопытство — оно хуже любого хищного зверя.

Он сунул нос в кусты, сделал шаг, второй — и мир взорвался болью. Железные челюсти сомкнулись на задней лапе, прокусили шкуру, добрались до кости. Володар заревел — позвериному, страшно, так что птицы с окрестных деревьев сорвались. Он бился, рвался, но железо держало крепко. Кровь заливала мох, мир плыл красным, и сквозь этот красный туман он уже не надеялся увидеть ничего, кроме смерти.

А потом из кустов вышла она.

— Ой, — сказала, присела на корточки, не испугалась, не убежала. — Глупый ты, косолапый. Как тебя сюда занесло?

Говорила с ним как с человеком. Погладила по голове — рука маленькая, тёплая, пахнет мятой и чем-то сладким. Пошептала что-то — он не понял слов, но боль вдруг отступила, будто кто-то взял её в свои ладони и унёс далеко-далеко, туда не знаю куда. Девочка возилась с капканом долго, исцарапала все руки, ругалась тихонько, но разомкнула. Замотала лапу своим подолом, прижалась щекой к его морде и сказала строго:

— Не ходи больше сюда, понял? Тут капканы ставят. В следующий раз не успею и беде быть.

Она ушла, а он остался лежать в мокрой траве, слушая, как стучит сердце. Не от боли — от чего-то другого, нового, незнакомого. От тепла, которое она оставила в его груди.

Потом он приходил снова. Уже человеком — мальчишкой лет десяти, в драных портах, с растрепанным затылком. Нашёл ту поляну, где она собирала травы, и сел на пенёк, делая вид, что заблудился.

— Ты чего ходишь за мной всё? — спросила она, когда он появился в третий раз. — Ты вообще чей будешь?

— На лето приехал, — соврал он. — К дедуле.

— Тогда давай дружить. Я буду тебя лечить, если поранишься. А ты меня — защищать. Согласен?

— Так уж и быть.

Так и повелось. Он приходил раз в седмицу, потом чаще. Сидел на пеньке, смотрел, как она возится с травами, и слушал. Ядвига рассказывала ему всё. Про бабушку Лору, — что передала знания о кореньях и заговорах, но умерла. Про деда Архипа — тот научил её по лесу ходить, тропинки неведомые чуют, леса не бояться, любить его и почитать, тогда деревья сами дорогу раскроют, тайнами поделаются. Про маму и папу, которых забрало болото — ушли одним ясным днём и не вернулись.

— Дед говорит, — шептала она, глядя в костёр, — что я сильная. Что род у нас ведьмовской, от самой прапрабабки идёт. Только я не чувствую силы. Одна я, слабая девчонка, и всё никто больше.

А ещё про деревенских. Как дразнят «ведьмой», камнями кидаются. Как Михор, конопатый и злющий, однажды бросил в неё дохлой крысой. Ядвига тогда не заплакала. Собрала крысу в лопух, закопала под рябиной и сказала: «Зря он так. Животное не виновато».

Володар слушал и молчал. Не говорил, что может обернуться медведем. Не говорил, что его отец — царь леса. Не говорил, что проклятие на их роду висит. Боялся, она испугается и прогонит, а ещё боялся, не испугается — и тогда он уже никогда не сможет вернуться к ней, не пустят его родичи, убоятся.

Он и защищал её. Издали. Когда деревенские мальчишки кидались камнями, Володар выходил из леса медведем — огромным, страшным, и они разбежались. Когда Михор особенно лютовал, Володар ночью переворачивал у него в огороде все грядки. Когда Ядвига плакала у крыльца, он сидел в кустах и плакал вместе с ней — беззвучно, по-звериному, утирая морду лапой.

Ядвига, кстати, того мальчишку запомнила. Приходил к ней на поляну, сидел на пеньке, слушал. Ну, а потом вдруг перестал. Исчез, будто и не было. Она тогда подумала — может, в город уехал обрптно, может, помер где, время то не щадило глупых. Погоревала тихонько, да и забыла. Только иногда, в лесу чудилось чьё-то присутствие неуловимое.

Времени много утекло, а он вырос. И чувства — те, что дремали в нём до селе детенышем немощным, — проснулись огромным, неуклюжим зверем, которому тесно в собственной шкуре.

Однажды летом, когда лес стоял в мареве и даже птицы попрятались от жары, он вышел к озеру. Шёл медведем — хотел напугать её, выскочить из кустов, посмотреть, как она отреагирует толи засмеётся, толи в слёзы кинется. Но замер за черёмухой и не смог сделать ни шагу.

Она купалась. В белой сорочке — тонкой, мокрой, прилипшей к телу так, что каждое движение отзывалось в нём дрожью. Волосы распущены по воде, как рыжее половодье, глаза зелёные смеются солнцу, губы заговаривают что-то — песню, наверное. Медвежьей лапой он прикрыл морду, но не смог отвести взгляд и впервые в жизни почувствовал, как сердце бьётся

не в груди, а где-то в горле. Так ещё — и внизу живота, горячо стало, стыдно, так что он вскочил и бросился прочь, ломая кусты, не разбирая дороги.

Остановился только у старой берлоги, выдохнул и попытался обернуться человеком и не смог. Кости хрустнули, перекрутились, шерсть вросла обратно в кожу, а он стоял на четвереньках и рычал от боли. Раньше превращение давалось легко — раз, вздохнул, кубарем покатился и вот ты уже человек. А теперь будто кто-то сковал его тело железными цепями.

— Сынок, — мать вышла из-за деревьев, обернулась женщиной, присела рядом. — Что с тобой?

Он не мог ответить. Только скулил и тыкался мордой в её ладони.

— Ты кого-то полюбил, глупенький мой — тихо сказала она, и в голосе её зазвенела тоска. — Ты девочку с окраин. Я знала, что так случится.

Мать рассказала ему всё. Как прапрадед его, первый царь леса, убил королеву духов, что пришла к нему с веткой ольхи, прося мира для безопасности своего народа. Испугался силы чужой — и ударил исподтишка. Королева упала в вереск, кровь на алых лепестках рубинами рацвела, и прошептала дева проклятие: «Ни один оборотень из твоего рода не сможет любить человека, а если полюбит — превращение станет мукой. Чем сильнее чувства, тем больнее будет оборачиваться. И однажды ты застрянешь между обликами — ни зверь, ни человек. И будешь так жить вечно, пока не сойдёшь с ума».

— Поэтому твой отец никогда не говорит мне «люблю» глаза в глаза, записки писал лишь на бересте, — мать вытерла слезу. — Поэтому он уходит в лес, когда сердце слишком сильно бьётся. Он боится застрять в медвежьем облике. Боится потерять себя.

Володар лежал на мху и слушал, а в голове стучало: «Я всё равно буду любить. Даже если потеряю всю свою человеческую суть».

Он и любил. Молча, издали, оберегая её сны и тропы. Превращения становились всё болезненнее. Иногда он по три дня не мог обернуться человеком — бродил по лесу медведем, тосковал, ревел шатуном, разбивал улии пчелинные. Но отступить не мог, и не хотел.

Однажды ночью ему приснился сон. Явился сам царь духов — старый, мудрый, с глазами как два болотных огня, и сказал:

— На болотах чернь зародилась. Зло, что питается горем и страхом. Твой прапрадед открыл эту дверь, когда убил королеву. Теперь её нужно закрыть. Только ведьма может восстановить равновесие. Разбуди её, медведь. Иначе тьма накроет лес, а следом и весь мир человеческий.

Володар проснулся в холодном поту, с дрожью в каждой косточке. Сердце колотилось где-то в горле, ладони горели. Он понял: больше ждать нет смысла. Тьма уже близко — он чувял её запах, горький, болотный, когда обходил свои владения. Она сочилась из-под земли, заражала ручьи, мутила разум зверью.

И в ту самую метельную ночь он пришёл к её дому. Стариком прикинулся, чтобы не напугать. Стучал в окно и молил духов, чтобы она открыла.

— Пусти, Ядвига, — прошептал он тогда, глядя, как мелькает за заиндевевшим стеклом её тень. — Пусти, ради всего святого. Дальше убежать мне некуда.

Она открыла и сейчас он шёл по утреннему лесу, касался старого дуба и улыбался — впервые за много лет.

Володар оторвал лоб от шершавой коры, выдохнул облако пара и оглянулся. Изба осталась далеко позади — крошечная, занесённая снегом, но в ней горел свет. Тот самый свет, который он нёс в себе всю жизнь, сам того не ведая.

Володар ступил на тропу, и лес расступился перед ним, зашептал что-то на своём древнем языке. Ветки не хлестали по лицу, корни не путались под ногами — лес провожал своего царя, принимая его выбор.

— Что ж ты делаешь со мной, моя ведьмочка? — прошептал он, и ветер унёс его слова в снежную даль.

Солнце вставало над лесом, золотило сугробы, и где-то там, в избе, спала та, ради которой он готов был превратиться в зверя навсегда. Или — в человека. Или — в кого угодно. Лишь бы быть рядом.

3

Говорят, иногда в предметах, руками добрыми сделанных, душа хранится отголосок того, кто сотворил его. Такая частичка хранилась и в том самом дубовом столе, что сколотил ещё дед Ядвиги Архип, человек широкой души, лелеявший единственную внучку и покинувший её самым последним из небольшой семьи.

Именно этот стол наблюдал незвучно, как разговаривали по душам два собеседника в ту дивную метельную ночь. Мужчина говорил о лесе, духах, но причину своего прихода скрывал до самого конца. Хозяйка избы от бесед полуночных то краснела, то бледнела, много смеялась залиvisto, рассказывая о прошлом своём. О детстве счастливом, прошедшем в доме лесном, о матушке и тятюшке, сгинувших за болотистой местностью, заблудившись одним ясным днём, забредя не туда. О бабке Лоре, от старости зачахшей, однако передавшей ей знания о травах и кореньях, и о деду родном, научившем по лесу ходить, выискивать места заветные, тропинки неведомые, всегда домой притом ворочаясь. Дед Архип научил леса не бояться, любить его и почитать — тогда деревья сами дорогу раскроют, тайнами поделаются. Что правда — то правда. Ближе же к утру её всё же свалил хмель от медовухи сладкой, по чаркам как сонное зелье разлитой ещё в вечерку под светом лучины гаснущей.

Лишь стол видел и слышал одинокий монолог незваного гостя, как коснулся тот лба Ядвиги губами и нашептал что-то ей на ухо, заговор таинственный. Следом же посмотрел на стол да спросил его прямо, не дивясь предмету с души осколком.

— Чувствую, любишь ты хозяйку свою, как и кот её. Хочешь ли — подсоблю, помогу тело обрести и голос? Ты взамен службу мне сослужишь, поможешь Ядвиге на пути предстоящем, станешь путеводителем, или же лучше сказать — козырем в руках, пока силу не обретёт девица...

Не может стол на это ответить, но зверь лесной и так понимает, читает мысли словно, без лишних слов. Отламывает занозу с дерева, бормочет что-то еле слышно, а затем коту в мягкую подушечку вгоняет иглу, да так умело и резво, что та пропадает, словно и не было её, без крови или же боли. Так гаснет разум, остаток души угасая на мгновение... Загораясь снова, не растворяясь без следа.

Ядвига просыпается от сковывающего тело холода в следствии потухших и прогоревших дров в печи. С палатей спускаться вниз совсем не хочется — хорошо под одеялом ватным, на перинке пуховой, как облако воздушной. Однако дом выстужать в зиму холодную — смерть в избу зазывать. Отчего женщина, закутавшись в шаль, соскальзывает вниз, снова распалая печь да подбрасывая дров почти не глядя, интуитивно разбираясь со своей ежедневной задачей. Внезапно приходит в себя, вспоминая о госте незваном.

Глаза девицы распахиваются, сердце сжимается, но отвечает ей лишь тишина и мрачность холодного утра. В домике всё, как и раньше было, до ночи этой волнующей. Запах разгорающейся печи, старых бревен, хлеба с супом, но нет больше аромата трав и мёда сладкого. Грусть хватает за рёбра грубо, дыхание на миг перехватывает, меркнет перед глазами свет белый, а голову кружит на единый миг. По сердцу ей пришёлся гость полуночный, в душу Ядвиге запал он: нравом добрым, речами честными и смехом, звону ручейков подобному.

Медленно оседает девушка на лавку, вдыхает разочарованно, шепча сама себе в попытке тщетной убедить в мороке:

— Может, привиделось всё это и не было никого тут...

Ещё один тяжелый вздох — и мурашки от испуга расплзающиеся по коже от голоса, идущего со стола за спиной.

— Да был он тут, был, зверь этот лесной. Просто поутру ушёл — ночь его время, а не день. Таковы условия проклятия...

— Ты... ты... Филька... Ты с каких пор болтать научился? — Пауза долгая, руки девушки за голову хватаются, с губ слетает причитание болезненным тоном произнесённое. — Ясно... Всё это сон, просто кошмар...

— Негоже ведьмовского кота Филькой кликать — Филентием называй. Не пугайся теперь и слушай, что тебе гость твой передал, — бормочет кот, удивляя новым словесным потоком.

Женщина совсем теряет, встаёт резко, тут же умываясь ледяной водицей, пытаясь не смотреть на собственного любимого зверя, но пересиливает страх любопытство Яги врождённое, со смелостью, воспитанной дедом. Всё же задаются глупые вопросы:

— Как ты вообще говорить научился? Может, морок?..

Не даёт кот хозяйке договорить, прыгает на окошко, а полизав лапку, молвит, глазками не моргая, гипнотизируя будто:

— Дар в твоей семье испокон веков передаётся, ведьмовской. Прапрабабка твоя самой первой ведуньей была, силы ей было не занимать. Заключила она тогда с духами леса договор, что потомки будут тут жить и помогать лесу и защищать, оберегая от людей — и не важно, злых или добрых. Гость твой дар пробудил, ведь беда грозит лесным просторам. Пытаются люди из поселения в самую глубь зайти, туда, где тотемы древние хранятся. Надо духам, чтобы ты вошла в глубинку и окутала место магией своей, взор отвела и тропинки спутала. Такое только тебе под силу...

Ядвига, слушая кота своего, почти не дышит, вспоминая слова любимой бабушки, которые та ей перед сном говорила в далёком ещё счастливом беззаботном детстве: «Ягушка, наш род силён. На моём веку я не смогла долг отдать семейный, возможно, ты сможешь... Главное — не бояться ничего...»

— Фильк... Филентий, да как же я лес защищу? Не ведома мне магия, всегда просто травницей была, не более, — говорит девица голосом дрожащим, руки сжимая в кулаки, удивляясь ответу ясному.

— Ты, хозяйка, не переживай, я подскажу. Тебя сам лес научит, пока идём тропинками неведомыми. Собираться нам пора в путь-дорогу. Если не успеем к смене года — быть беде большой.

— Но ведь зима, буря... да и боюсь я... — шепчет Ядвига.

— Так уж и быть, уступлю: подготовиться надо. Дал нам царь леса три дня на раздумья твои. Сказал — выбор за тобой: рисковать или забыть всё и дальше жить, будто не было ночи этой.

Завтракая остатками супа с горбушкой ржаного полбяного хлеба, его же да сухофрукты с ягодами, складывает Ядвига в котомку, беря и вязаные вещи для ребят деревенских, оставляя всё у порога. Именно в этот момент решает она сходить до деревни за запасами, хвороста насобирать на пути обратном. Развеяться во время прогулки продолжительной, выморозить сомненья свои да думы тяжёлые.

Переплетая косы медные, одеваясь в шубу из шкур кроликов да шапку тёплую соболиную, на ноги валенки и снегоступы сооружая, отправляется в дорогу с палкой в руках и рыжим котом на плече, не отпускающим одну её в путь-дорожку. Под его мелодичное мурлыканье делает первые шаги в сторону оврага, ведомая своим долгом и добрым сердцем.

В тайне, глубоко в душе желая ещё раз хоть на миг встретить гостя незваного, узнать, как он связан с этим лесом и ей самой. Раскрыть загадку сложную и сердце волнующую. Но пока отпуская думы тяжёлые, зная — не готова ещё на битву со злом неизвестным, да и существующим ли? Авось сказка это или правда... морок...

Снег скрипит под ногами, вьюга бушует вокруг, пока перед Ядвигой буря сама расступается, как и деревья, открывая ей дорогу к посёлку, удивляя не на шутку, силой заставляя задаться вопросом самой себе:

— Я взаправду ведьмой стала?

«Вот и подарил бог хозяйку глупую, чем ты меня слушала?» — мысленно упрекает её кот, поудобнее располагаясь в наголовнике мехом обделанном мягком, давя на него всем своим весом, который вдруг как по щелчку пальцев растворяется, будто и нету никого позади у затылка, бормоча под нос:

— Буду спать, просьбу Володара я выполнил. Как соберёшься в путь в чащу леса — разбудишь. Трудно мне сознание удерживать... Не привык живым быть...

— Спи, Фильк... Филентий... спи... — шепчет Ядвига любимому коту, слыша внезапное самое простое «мяу» и громкое мурлыканье. — Мне кажется, я просто с ума схожу, вот и мерещится всякое неоднакое...

Шепчет юная ведьма — а юность у ведьмы понятие растяжимое, первые так лет сто, — ускоряя шаг и утопая в послушной ей буре, исчезая в снежном вихре, пропадая из виду.

За плечами мурлычет кот, с губ девицы срывается тихое пение себе под нос, снег похрустывает, ветер вьюжный разносит мелодию знакомую.

Дорога до деревни в этот раз стелется под ноги — чего не бывало доселе. Вот только люди, завидевшие издалека лесную жительницу, шепчутся, некоторые постарше плюются перед нею, снег белый марая. Вслух, конечно, не произнося, лишь взглядом изрекая, будто клеймя: «Ведьма».

Ядвига смело проходит мимо, на миг задумываясь: обижаться ли теперь на звание такое — ведь правы оказались в моём происхождении. Прерывает думы девушки ветер, доносящий до неё разговоры шайки деревенских мужиков у корчмы.

— Слыхали, говорят, в лесу нашем клад спрятан?

— Да брешут, поди...

— Так давайте, мужики, сходим да проверим, как поутихнет буря?

— Посмотрим... Глядите, ведьма пожаловала, глядит-то как... Проклясть нас хочет...

— Глупости какие...

Отвечает на это самый молодой из компании, мужчина низкорослый да веснушчатый, бросает этот хоровод и спешит к Ядвиге, здороваясь сладко:

— Приветствую, Яга. Что тебя к нам на базар привело в погоду такую неприглядную?

— Да я бы и ответила, Михор, да дело не твоё... — отвечает девица наша, шаг ускоряя к рыночку местному. Прекрасно помня, как этот же паренек над ней в детстве измывался с друзьями своими верными. От воспоминаний даже пот холодный выступает. Отмахивается Ядвига от наваждения — улыбка на лицо сама ползёт от ребят навстречу спешащих, машущих радостно, в объятья попадающих женщины. Раздаривает она подарки свои, приговаривая:

— Красненькая — Аксении, синенькая — Фроське, так выросла, милая. Зелёная — Дунюшке. Какие вы все раскрасневшиеся от мороза, домой вам пора. — Заканчивая встречу долгожданную, а следом меняет сушёные ягоды да грибы на рыбку вяленую и копчёную, мясо свежее, дрожжи для выпекания и молочко парное из-под коровы свежее. Закончив же с закупками, быстро обратно собирается, чувствуя неладное. Снова веснушчатого встречая, который на этот раз за запястье хватается, сжимая больно, говоря мягко, но фальшиво:

— Ядвига, те мои проступки — дело минувших дней. Нравились ты мне, вот внимание твоё и привлекал. Да и сейчас мила ты сердцу моему. Дай хоть шанс...

«Мила?» — думает Яга, а в голове её роем пчелиным воспоминания пронесется: то вещи её от реки крали во время купания — ей в тот день до полуночи сидеть пришлось в воде студёной и болела месяц не меньше после. То змею ей в корзину подкинули — и ладно бы ужа, нет — гадюку, благо дух лесной отвёл, не тронула гадина ползучая, уползла сама обратно в траву.

Больно вспоминать такое, страшно, сердце в панике и страхе сжимается, руку хулиган этот отдавать не желает, и взмаливается девица тогда мысленно: «Будь то диво лесное, кто угодно, спасите, защитите от недруга!»

Стоит мысли отчётливо сформироваться, как налетает на Михора ворон чёрный, заставляя отступить мужчину, и давая Ядвиге ускорить шаг, чтобы скрыться за стеной метели и бури.

Входя за кромку леса, ощущает женщина облегчение, словно в дом любимый воротилась.

— Кто же, кроме меня, лес родной защитит? Придётся в путь-дорогу собираться, но страшно-то как... — бормочет девушка, удивляясь столь же внезапному ответу кота голосом человеческим.

— Не бойся ты так, не с пустыми руками пойдёшь. Знаю я одно местечко секретное, оно тебе многое откроет, так что поспеши... Нос мой мёрзнет и лапки...

— Какой ты чувствительный стал, Филька... — смеётся девушка, щёлкая слегка путеводителя по носу, получая в ответ лапой по голове вперемешку с причитанием:

— Филентий... Филентий... Неужто так запомнить сложно...

После такого диалога попутчик затихает до самого дома. Вот только стоит ей порог избы пересечь, как котик хозяйку на чердак за собой ведёт. Вот только останавливает его Ядвига перед входом, говоря уверенно:

— Брось ты это, Филентий, отродясь не было у нас входа туда. Закрыто там, да так, что даже кувалдой не вскрыешь — пробовал дед.

— Следом иди и не болтай! — отвечает кот рыжий, лапками на люк с лестницей деревянной вставая, мурлыкая и легко отворяя проход. Быстро находя там прялку старинную, перекошенную, с краской обшарпанной, указывает на неё Яге, приказывая:

— Бери её в руки и начинай прясть траву-мураву.

— Интересный ты, где ж я её зимой возьму? — спешит возмутиться девица, но не договаривает, замечая нить острую в пальцах, появившуюся из ниоткуда.

— Котик мой, а это точно не опасно? — спрашивает женщина, ощущая страх перемен.

— Нечего бояться, хочешь открыть в себе силу свою — действуй. Но знай только: коль ступишь на этот путь, не будет назад ходу. Только вперёд, через чашу, к царю леса, — отвечает так ей кот верный.

Ядвига, прикусив легонько щеку, молвит:

— Была не была... — и делает первое движение руками, чувствуя порезы на подушечках пальцев, ощущая жжение, страх и трепет.

Стоит крови её прялки коснуться, как та оживает в единый миг, снова становясь яркой и расписной. Терпит дивчина боль и жар в груди, следом будто прилив свежий ощущая, начинает понимать и погружаться глубже в себя. По волшебству в памяти появляются новые заклинания странные, рецепты эликсиров непростых. Словно учит Ядвигу прялка премудростям женским. Не выдерживает женщина любопытства, задавая вопрос котейке, в глаза глядя:

— Как это так происходит? Не понимаю...

— Да и не ломай голову, скажу одно: она здесь ещё при твоей прародительнице стояла, часа своего ждала. Как оказалось, вот он — стоит руку протяни и схватись покрепче, — бормочет путеводитель рыжий, добавляя с урчанием: — Как закончишь, пойдём поедим...

Договаривает и улепётывает вниз быстро, с привычным постукиванием коготков кошачьих по полу деревянному.

Наваждение на Ягу только сильнее накатывает, жаром от пальцев расходится магия древняя, заживают порезы, а следом и прялка осыпается пеплом, а в нём блестит да переливается пояс ручной, красивый, узорчатый, в цвет её волос сплетённый. Одевает его женщина сразу, чувствуя родство и душу близкую себе — наставницу.

Спускаясь вниз, хозяйка кормит кота чем повкуснее, с крошками в молоке замоченным, благодаря. Чувствуя наконец-то решимость в путь пуститься, говорит Филентию:

— Надо опередить мужиков тех деревенских. Защитить лес и духов. Раз уж они меня с детства ведьмой кликали, надо их ожидания оправдать...

— Как рассвет забрезжит, так и пойдём — утро вечера мудренее всё же. Собери пока вещи, да спать ложись... — командует ей кот, и она слушается, ощущая усталость от дня, насыщенного и встречами неприятными.

Именно они не отпускают её в сновидении тревожном — гонится за ней конопатый с вилами. Яга бежит без оглядки в ужасе диком и сильно дивится, когда путь-дорогу недругу преграждает медведь огромный, батюшка лесной. Когда зверь дикий оборачивается, робеет Ядвига, но, видя золотые глаза, обретает умиротворение. Тянется рука к морде грубой, трогает друга смело и слышит:

— Спасибо тебе за помощь грядущую. Как защитишь лес наш — вернём мы тебе самое дорогое и подарим желание единое заветное. Верь в свои силы, Ягушка...

Голос внутри сна женщине кажется до боли знакомым, хочет она заговорить с защитником смелым, но тут-то видение и прерывается, а глаза открываются сами по себе, в мыслях загорается ясное: «Пора в путь...»

4

И рада бы Ядвига послушаться его, но, спустившись с полатей, видит она кота своего недовольного, который говорит ей вдумчиво:

— Снилось сегодня мне прабабка твоя, прародительница. Подказала она мне, как дорожки в лесу спутать, чтобы не увязался за нами никто. Надо нам теперь в лес дорогу держать, собирать ингредиенты нужные...

— Почему бабушка тебе, а не мне приснилась? — немного обиженно Яга говорит, ломти хлеба нарезаю.

На такие предъявления кот лениво вытягивается, глаза прикрывает, шепча загадочно:

— Просто твой сон другим гостем занят был...

Услышав об истине, рдеет Ядвига, переводя тему умело:

— Я думала, мы сегодня в путь пустимся. — Вздыхает вроде как разочарованно, но быстро приходит в себя. Разжигая печь, чайник ставя на шесток, всё ещё ощущая, как сердце в груди грохочет от гостя из сновидений.

«Может, это вовсе и не Володар был...» — успокаивает себя хозяйка избы, завтракая и кота кормя на путь-дорожку.

Идут ищущие тропой знакомой на полянки ягодные.

— Нам точно сюда, Филька? — вопрос задаёт женщина, оглядываясь по сторонам. Волосы её алыми в отражении снега кажутся, распаваясь по плечам косами крепкими да толстыми.

— Да сюда... Как дойдёшь — коснись кустов ягодных, чудо и случится, — недовольно фырчит кот, по снегу вышагивая, утопая по самую грудь, бормоча: — Филька да Филька, ну Филентий лучше ж...

«Вредина», — думает про себя Яга, задавая ещё один вопрос:

— Подскажи, что мы ищем хоть?

— Кусты нам нужны ягодные, с ягодками алыми, чтобы цвет их с душой твоей совпал... — изрекает кот по-умному, со снега прыгая на ветку дуба крепкого, а потом на другое дерево, удивительные расстояния перепрыгивая, неподвластные обычным котам.

— Так бы сразу и сказал, чего таиться было...

Ядвига улыбается, глядя путеводителя своего любимого уже на осине сидящего, вспоминая, как котёнком брала, пушистым и маленьким. Кто ж тогда знал, что суждено дрожащему комочку стать важным ведьмовским котом.

Поляна на глазах раскидывается небольшая, но ягодами полная, правда только под снегом. Сначала в лукошко ягодки рябины сладкой ложатся горстями соцветиями, потом садится Ядвига перед кусточками княженики и брусники. Стоит ей снега коснуться — зима отступает. Тает под пальцами её снег, стебель жизнью наливается, раскрываются листья упругие, из-под них ягодки алеют сладкие, кисловатые, так рука и манит сорвать. Теряется сначала девица, но всё же срывает такую находку, находя ещё боярышник, морошку, толокнянку да клюкву сочную в отдалении. Так набирается лукошко, умело сплетённое при деде Архипе.

По возвращении домой садится Яга перед столом, спрашивая проводника своего:

— Что дальше делать будем?

— Сначала бусы сделай из рябины, да так, чтобы на валеночки твои они надевались, обвивая голени на несколько раз. А крепить будешь, приговаривая: «Пусть моя тропа гладко стелется, чужая кругами петляет, к дому тянет».

Быстро да ладно работа в умелых руках делается, оба валеночка становятся заговорёнными, бусами алея.

— Ещё же не всё? — Девушка спрашивает с любопытством, видя, сколько ягодок осталось.

Кот мурлычет, довольный работой хозяйки, садясь напротив, продолжая инструкцию выдавать прабабки:

— Теперь берёшь, прикладываешь ягодку, прячешь за ладонью и просишь её ласково: «Под рукой моей силу отдай, частью единой стань с тканью по воле моей».

Смотрит на него Ядвига с удивлением, но то, что сказал, повторяет слово в слово. Только договаривает, ощущает — исчезла из ладони княженика, так на малинку похожая, на валеночке же появилась вышитая алая ягодка, словно живая.

— Филька... Она в вышивку превратилась. Взаправду магия какая-то... — вскрикивает Яга, радуясь по-детски искренне.

На это кот глазки закатывает, говоря недовольно, немного устав:

— Ты ведьма вообще-то, привыкай.

— Да ладно тебе... ведьма я без году неделя, а человек простой с пелёнок, — говорит Яга, улыбаясь счастливо от проявления собственной силы. Быстро узор на валенках расцветает алыми дарами леса, каждая ягодка особенно красиво ложится — будь то морошка, толокнянка, хотя вроде все друг на дружку должны быть похожи, а нет — разные.

Сильно устаёт Ягушка, силы первый раз используя, слипаются глаза её. Кот сразу замечает усталость хозяйки, хотя скорее подопечной своей, изрекая важно:

— Отдохнуть тебе надо. Как проснёшься — соберём котомку, в валеночки ступишь ты, и скроют они дорожку нашу. Чую я, беда близко к дому.

— Прав ты, милый мой, пойду посплю, а то зги перед собой не вижу.

Быстро девушка засыпает, словно в яму без видений проваливаясь, но так недолго длится. Скоро мир сна вокруг освещается, а напротив появляется женщина, очень уж на неё похожая. Глаза цвета того же, а волосы алые, куда ярче собственных, сейчас по подушке рассыпавшихся.

— Здравствуй, дорогая правнучка. Не виделись мы прежде. Пришла тебя я успокоить да помочь принять силу древнюю.

— Бабушка, правда ли справлюсь с задачей сложной? — спрашивает Яга, чувствуя, как руки её теплом наполняются, словно от прикосновения нежного.

— Сила в нашем роду древняя. Потихоньку ты поймёшь, как ей пользоваться, дорогая. Пояс мой сплетён частично из волос моих и сил последних, сильный это артефакт. Носи с собой, к телу близко, защитит он тебя в час тяжёлый. Валеночки помогут добраться до глубины леса. Ничего не бойся и ступай в путь-дорогу.

Голос у бабушки добрый, нежный, и глаза силой лучатся. Верит ей Ядвига, замирая в объятиях нежных, просыпаясь со слезами радости на глазах. Вспоминая невольно всю свою семью. Она плохо помнила матушку и батюшку, но бабушка говорила про их любовь к ней сильную да трепетную.

5

Утирает слёзы женщина, спускаясь с полатей, где её встречает непривычное «мяу» и поглаживание о ноги такое обыденное. Становится понятно, что котик тоже устал от приготовлений. Прекрасно понимая усатого друга, начинает девица котомку собирать. Укладывает с собой хлеб свежий, сало в шелухе луковой солёное, ягоды сушёные да грибы, рыбку в деревне мяннуную и мясо в печи иссушённое за несколько дней, с солью обычной в мешочке — авось пригодится. Берёт с собой также розжиг из камушков, покрывало плотное, но не тяжёлое.

После завтрака, одеваясь потеплее, ступая в валеночки тёплые, укутываясь шалью алой, прицепляя к котомке за спиной небольшую кастрюльку да ложку большую деревянную со стаканом железным. Саночки снаряжая в руку свободную, подушечку на них кидая, да котика на неё усаживая, чтобы удобно было другу усатому.

В это же время из деревни к дому её Михор подходил, хотел Яге сладостей принести, которые матушка испекла. Давно родители говорят — жениться ему надо, вот только все девки в деревне от него шарахаются, не мил им он. Остаётся только Ядвигу уговорить — наверняка в лесу она скучает. Подойдя совсем близко к избе, увидел он, что уходит девушка в лес тропой нехоженой, решил за ней пойти и догнать.

Ягушка, завидя гостя нежеланного, ускоряется, от страха сердце сжимается. В этот момент слушаются валеночки — исчезает она из взора юношеского как по волшебству, а Михор внезапно к деревне ворочается да диву даёт.

— Как так вышло-то? — рассказывает он мужикам, ситуацией обиженный.

Ему же отвечают грубо:

— Говорили тебе люди добрые — ведьма она. Наверное, про клад услышала, когда мы говорили, и за ним пошла.

— Тогда и нам пора в путь. Неужто все драгоценности девке достанутся?

Так уж ситуация сложилась — пусть путём другим, но и они вглубь леса пустились, одержимые богатствами несуществующими, одной иллюзией в зиму гонимые, алчностью.

Вскоре котик в себя пришёл:

— Прости меня, Ядвига, не вовремя тебя я покинул. Но ты и сама справилась — вовремя дом родной покинула. Ждёт нас теперь дорога долгая. Главное — ничего не бойся, для леса мы гости долгожданные. Попробуй магию валенок применить.

— Как же сделать это, дружок мой заснеженный? — спрашивает ведьма юная, получая ответ вовсе не от кота. Голос прямо в мыслях слышится: «Коснись валеночек ладонями и скажи: ведите родные дорожками нехоженными». Так женщина и делает, поражаясь до глубины души. Ведь снег перед её ногами тает, почву оголяя, давая идти по траве сочной, выросшей в единый миг.

Оставляет, надивившись, Ядвига саночки, берёт котика на руки и без оглядки в путь пускается. Зная всем сердцем, что где-то там ждёт её друг сердцу дорогой.

— Ох... Филька, долго ль нам идти ещё? — спрашивает Ядвига устало, добавляя слегка расстроенным тоном: — Да и куда мы путь держим? Ты точно знаешь, что нам делать?

Кот, слыша недоверие в голосе подопечной, распушает мех, фыркая и отвечая:

— Ты в валенках волшебных идёшь, сами они тебя выведут к первому пункту. Мне пока подремать надо.

Женщина, получая такой ответ третий раз к ряду, вздыхает разочарованно, вглядываясь между деревьями, запевая песню старинную:

«Ой, веди, тропа нехоженная,

меня в дальние края.

Буду там искать пригожего,

молодого удальца.
Только молвит ясный сокол мой:
не его я ягодка,
без румян свекольных сочных,
без белесого лица.
Не похожа на других я,
не прельщаю молодца.
По горячке прокляну его,
да в лягушку обращу.
На болоте пусть подумает,
через полгода спасу.
Ты любимая, желанная,
будет в уши воду лить.
Осознает ясен голубь мой,
что не гоже ведьму злить.
Может быть, в сердцах прошу его,
сердце девичью внемля.
Слюбится ему и свыкнется —
болото хуже, чем изба...»

— Кто тебя песне этой научил? — вдруг вмешивается в пение кот, не в силах мурлыканье скрыть.

Яга, глядя друга верного, отвечает с улыбкой ностальгической:

— То бабушка была. Правда, больше эту песню ни от кого более не слышала, так что начинаю подозревать — сочинена она на реальных событиях. Интересно, кому так досталось — прадеду или деду...

Филентий опять недовольно фырчит — не нравится ему песня эта, и всё. Что-то болезненное навевает, а чего именно — не помнит более, не положено видеть.

В момент их разговора предстаёт перед Ягой тотем деревянный в виде волка, изношенный весь, потрескавшийся — того и гляди развалится.

— Вот и первый оберег, Ягушка. Ты сейчас коснёшься его и перенесёшься в самую глубину и суть леса, оборотную сторону. Ничего не бойся и действуй, как сердце подскажет. Только ты в силе с волей зверя справиться и магию вернуть утерянную тотему, — говорит кот, становясь серьёзнее. Понимая, что внутри помочь не сможет, и терзает его это знание. Не любит Филентий беспомощным быть.

— Пойду я тогда... — отвечает Яга смело, всем телом и душой ощущая одиночество, идущее от тотема. Касаясь изваяния и внезапно проваливаясь словно в саму себя до появления гостя неожиданного. Ощущая везде одиночество и тоску непреодолимую. Оглядываясь по кругу, видя, как туман и тьма от её валенок отступают, показывая лес увядший с деревьями обгорелыми, перекрученными да скрюченными, берлогу старую разваливающуюся, заброшенную.

— Есть здесь кто? — спрашивает девица, вглядываясь в черноту жилища зверя лесного, внезапно получая ответ оттуда тихим надрывным голосом:

— Она более не придёт в это место. Покинула меня, всех нас. Зачем нам жить, если хранить некого...

Жалко Ядвиге становится существо неведомое, перебарывает она страх, ступая в берлогу, идя наощупь. Замирая, когда под пальцами оказывается шерсть плотная, жёсткая как проволока медная.

— Может, я чем помочь смогу, зверь лесной? — спрашивает, насмелившись, женщина, ощущая на себе дыхание такое рваное и слабое, словно оборвётся вот-вот в миг единый.

Тут же в её голове снова слова возникают: «Скажи: „Отступи, ночи дочь, дай узреть истину. Ты же, солнце ясное, лучом своим одари, согрей душу тоскующую“». Всё в точности Яга повторяет, обмирая в мгновение, когда перед ней оказывается волк огромный, чёрный как смоль, с глазами без белка лазурными и безжизненными. Зверь правда усталый и потрёпанный, почти при смерти.

Волк, свою гостью видя, изрекает трагично, с горечью ядовитой:

— Ты так на неё похожа, на Агидель. Отбило бы нюх — подумал бы, что она. Такая же красивая, с душой огненной. Но пахнешь не крыжовником и малиной, а мёдом с примесью цветов полевых. Пометить тебя царь леса успел, прямо предупреждение оставил: «Не подходи, моё!»

Зарделась Ядвига от таких слов, душу будоражащих, но быстро отпустила иллюзию желанную. Смело протянув руки к морде большой, прильнув лбом ко лбу, говоря ласково, как со старым другом:

— Прости меня, хранитель леса, что душу сбредила. Но не печалься более. Может, не прабабка я моя, однако смогу развеять муки твои. Стань мне защитником и другом, помоги лес защитить от людей и других злых намерений. Прошу тебя...

Слова слетают с губ мягко, словно обаять хочет волчью душу. Из сосуда души же девицы энергия огненная льётся, в звере зарождавая желание жить дальше. Напоминая невольно, что ему сказала хозяйка перед смертью своей: «Ягуш, береги лес ради меня. Ты был самым сильным стражем, и когда придёт день — протяни лапу дружбы нашей девочке Ягушке. Знаю, что придёт она — в колодезной воде видела, в затмение небесное. Не дай лесу родному и кровиночке сгинуть. Люблю я вас всех сердцем всем и рядом незримо буду!»

— Хорошо, Ядвига. Буду служить тебе — так велела она мне на смертном одре. Звать меня Ягуш. Спасибо, милая, что вернула волю к жизни. — Отвечает ей на просьбу зверь сильный с шерстью, ставшей серебряной, с глазами силой луны сияющими.

Отстраняясь, женщина улыбается, вдруг чувствуя сильное головокружение, падая в траву зелёную сочную, вдруг переносясь снова, но не в свой лес, а в другое измерение. Вставая на ноги слабые, оглядываясь и понимая — пустота везде, куда ни глянь. Нет никого и ничего, разве что у источника света мельтешение привлекает. Замирает Яга, видя наблюдателя, да не одного. Заглядывая в глаза любопытные, спрашивает со страхом женщина:

— Ты чего изволишь, путник? Тебе что от меня надобно?

Не отвечает на это незнакомец, сменяется один на другого, за разом раз. Тогда снова женщина задаёт вопрос:

— Знаешь ли ты, как мне обратно воротиться? Там меня ждут...

6

Не успевает договорить Яга — её словно холодной водой окатывают. Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.